

Редкая любовь

(Ещё раз о книге Н. Коняева «Земля, которая помнит всё»)

Во втором абзаце статьи о творчестве большого русского писателя Николая Коняева я написал так: «Это прозаик многоплановый, многопрофильный...». Значит, пишет «про Филь».

Такой игрой слов я уже достал Именитого. Мы давно знакомы, и он знает, что обычно написание моих стихов или статей начинается со звуковой разминки, покашливаний, пускания пузырей и невнятного произношения каких-то ругательских слов, чуть ли не матюгов. Это процесс пробалтывания, так называемая болтанка (чуть ли не написал «словянка», с которой пора бы попрощаться). Да, меня, как пишется в инструкциях, перед употреблением требуется хорошенько взболтать. Ага, брать за ноги, поднять, старательно потрясти, чтобы я стал... потрясать. Кого, чем? В любом случае зрелище не для слабонервных.

Повторюсь, когда я дал писателю Коняеву определение «многопрофильный», то шутливо подметил и даже подчеркнул на компьютерной строке, что он пишет про Филь. Прикинул в уме и, вот так сразу, навскидку вспомнить хотя бы один коняевский рассказ именно про Фильюшу, Филену-гулену не смог. Да и знаменитый рассказ «Филиппок», который я изучал в начальной поселковой школе, написал явно не он. Зато вспомнилось легендарное стихотворение Николая Рубцова, творчество которого Коняев хорошо знает и высоко ценит. Вот две строфы из того великого, крохотного и «гροхотного» произведения:

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый:
— А о чем говорить?

Очень похожий стих и тоже с мужичком на «Ф» имеется у другого, не менее знаменитого поэта — Юрия Кузнецова.

Птица по небу летает,
Поперек хвоста мертвец.
Что увидит, то сметает.
Звать ее — всему конец...
Отвечал мужик, зевая:
А по мне на всё чихать!
Ты чего такая злая?
Полно крыльями махать.

Ну, я думал, что уж о каком-то апатично-ругливом мужике, о крестьянине-нигилисте и, как теперь любят говорить, пофигисте — у Коняева рассказы обязательно найдутся, ведь в 60-е – 70-е годы было модно да и очень своевременно писать о всяких молчаливых или крикливых чудиках, о всяких «поперечных» людях.

Чтобы отыскать именно таких персонажей, я в очередной раз стал перечитывать так любимую мной, землепоклонником, коняевскую книгу «Земля, которая помнит всё». Оказалось, что не густо в ней «на Филь». Немного обнаружилось героев, про которых написано Ю. Кузнецовым: «Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем». И все же нашлись. Например, в рассказе «Настенька» нам показана девочка, которая, не смотря на уговоры и даже угрозы окружающих, собиралась стать деревом, но не тупым,

«пробковым», а зеленым, ветвистым, в котором стали бы жить «жучки и птички разные». И она однажды стала деревом.

«Я слишком призраки люблю» — еще в эпоху брежневской конкретики и широкомасштабного соцреализма высказался о своих привязанностях великий Рубцов. Коняев из этой же «колоды колдунов». И не потому ли его герой-мальчик из упомянутого рассказа хотел превратиться в озеро? Цепочку объектов детской да и взрослой мечтательности и желаний можно продолжить: стать облаком, стать небом, но не стать — в таком случае — летчиком или космонавтом.

Примером «улетных», поперечных персонажей, таких сорвиголов являются парни-строители из рассказа «Поездка в Копорье», смелость которых порой переходит в отчаянную лихость, бесшабашность. Они изображены с какой-то мистической заданностью, их поступки вроде бы никак не вмещаются в рамки реальности, но тем не менее в романтическую эпоху социалистических неудержимости и вседостигаемости такие «закидоны» являлись вполне возможными. Парням вроде бы как ничего не стоило махнуть с одной стройки века на другую, в противоположный конец СССР, на расстояние в тысячи километров, чтобы полушутя-полусерьезно погасить свой священно-советский долг — отвезти и, попросив прощение, сдать на абонемент местной библиотеки некогда взятую там на определенный срок общественную и потому «всем нужную» книгу.

А в одном из рассказов «коняевский Филя» с подлинным именем Афоня, которому тоже безразлично и «фиолетово» всё, что происходит вокруг, объявляет себя птицей и на полном серьезе пытается улететь вместе с пернатыми на юг. Вот так, являясь в какой-то степени последователями (кря-кря) Крякутного, люди мечтали без использования дорогостоящей крылатой техники (самолетов и космолетов) взлететь в небо, а, войдя или влетев в раж или во вкус, подавались даже в космос (хотя в 70-е годы там уже успели плотно отметить и Гагарин, и не один десяток других пилотов). И космос им поддавался, покорялся. Да и самому автору была чрезвычайно интересна тема освоения и обживания безвоздушного пространства. Поэтому он и написал повести «Марсиане», «Полет на Юпитер» и другие. Но судя по текстам, вместе со взлетом мысли, ее устремлением в бесконечные дали, произошло некоторое падение художественного уровня произведений. Кризис тогда коснулся почти всех видных писателей...

И Коняев делает великолепный методологический ход, не снижая высоты своего мировоззренческого местопребывания (небо), он все свое внимание и интерес (так сделали тогда опять-таки почти все известные литераторы) переносит от астронавтов к якобы пребывающему там же Иисусу Христу, для веры в которого уже подготовили «почву» и обоснования псевдоматериалистические идеологические структуры на заключительном этапе существования СССР. Более того, никакого паритета, никаких партнерских связей между Созидателем и человеком-покорителем больше не могло быть, и писателю, принявшему линию Господа, пришлось в своих новых произведениях обозначить пусть не агрессивные, но уже не самые дружеские варианты взаимоотношений противостоящих глобальных сторон, Игроков. Если говорить грубым военно-политическим языком, то Коняев мощно и разрушительно ударил по своим же космическим проектам, по советской космонавтике, по тогдашнему наивному колхозно-полевому космизму, и вообще по коммунистическому мировоззрению. В принципе они сами под этот удар подставились...

Писателю пришлось повоевать не только с одиночными Филями (Фомами) Неверующими, — а с полчищем сомневающихся, так сказать, не вполне сознательных граждан, таких «ату-истов», на которых автор-гуманист не имел морального права натравить — ату! (или для АТО) даже воображаемых ревнителей религиозности. В этом смысле вид реально бородатого писателя Коняева наводит на воспоминания о Бородинском сражении, о совете в Филях и о том каким все же способом (лобовой атакой, отступлением) выиграть битву за души человеческие.

Фили, совет в Филях... Впрочем, автор и подобные ему сами в некотором смысле Фили, ведь весь мир, в том числе и христианский, воюет, грешит, хотя эти отрицательные стороны жизни не мешают людям безмерно и даже беспечно славить и любить Иисуса.

Слово «любить» здесь ключевое. К тому же именно за любовью миллионы русских людей, в том числе и Коняев, в начале перестройки или несколько ранее ринулись в храмы. «Фил» — так слова «любовь, любить» переводятся с греческого языка. Сама собой образуется цепочка приятных (симпатичней не бывает) слов: «родинофильство», «славянофильство, «жизнефильство» и т. д. Где-то я уже писал, что к понятиям религии и любви надо очень осторожно «пристегивать» философию, так уже в самом этом слове обнаруживается отягчающая составляющая «кила», а жизнелюбу-писателю требуется пусть и не ветренная, но все же благославенная небесами любовь. И он, конечно, соглашается с тем, что она, в некотором смысле романтическая, в любую минуту может перетрансформироваться в непростую, ответственную любовь к Родине, к России, ко всем, всем, всем!

И таким чувством любви охвачена (пропитана, пронизана), можно сказать, даже и не православная, а только предправославная книга Николая Коняева «Земля, которая помнит всё». В ней по сравнению с последующими книгами и бога-то вроде нет, но уже ощущается его дыхание, живое присутствие. Там еще нельзя или, наоборот, позволительно взболтнуть перед употреблением бога, но уже во многих эпизодах слышится глас небес.

Уже в этом «земном» по своей сути сборнике разливаются, приведенные автором в действие ручьи, реки, моря безмерной коняевской любви. Прозаик буквально наводнил свою «Землю» и нашу тоже — Любовью. Именно такую большую «фил», а не «Филь-чудиков» изображал многопрофильный молодой писатель.

А всё предположительно начиналось с рассказа «Родничок», одного из лучших в рассматриваемой книге. Познакомимся с небольшим отрывком из него:

— У вас кто учительница? — спросил Кленов и внимательно взглянул на племянницу. Она сидела совсем рядом, и лицо ее было грустным.

— Павлина Михеевна... — ответила девочка. — Она последний месяц часто о родничке нам рассказывала. Рассказывала, какой он чистый и звенит... И надо только найти его, разрыть землю, обложить потом камушками, и тогда будут все приходить туда, чтобы пить воду...

Вот они источники большой человеческой любви. Понятно, что они находятся не только в земле, но и в небе. Но тогда было такое время, что пути человеческие, пути земные считались более важными, приоритетными по сравнению с путями господними, небесными.

Впрочем, и в те, не слишком уж отдаленные годы, флюиды любви предавались и по воздушному пространству. В рассказе «Такой ветер» знакомство и вся любовная переписка происходят в эфире посредством азбуки Морзе, когда радисты, парень и девушка, пребывающие на противоположных сторонах большой советской страны, выстукивают на стационарных железных ключах музыку нежности и высокого чувства. И в конце рассказа с «насиженного» места срывается вовсе не ветер, который и без того бушевал длительное время и уже не сигналы морзянки, а сам радист ради встречи с желанной девушкой.

С телефонного позволения Коняева вставляю в статью свой стих о моем увлечении радиоделом и о возможных переключке и «перестукивании» с ним в ту и нынешнюю пору.

Радист Коняев
(радиус творчества)

Мысль этак и эдак вертит,
Чтоб плотно в строку вогнать
Название «Такой ветер»...
Что ж, помним
пространст- во, гать.

Ржавели в грязи кабины
«БЕЛАЗов» и тракторов,
Проиграны были битвы
Технических докторов.

Серятиною-редисом:
Засеяли тихий край...

Ты, вроде как был радистом,
И вот потревожил рай?

Кто в армии (не при форсе),
А кто еще школяром,
В ДОСААФ
обучившись Морзе, —
Ключом разгоняли дрем.

Не веруя в техдорогу,
Где шел механизм в разнос,
Решил обратиться к Богу
Без кода — открыто — СОС!

А, может, ключи ломая
Кувалдой или доской,
К Христу в середине мая
Воззвал болевой тоской?..

Прорвалась годов завеса...
А я остаюсь, как был,
На уровне соцпрогресса,
На уровне «низших сил».

Я ближе к лесам и змеям,
К Сварогу, где тьмуца тьма...
Как нравится, как умеем,
На сколько у нас ума.

Наверно, ты много зорче,
Ведь столь протащил всего!
Здесь Ключ пониманья творче-
ства Мощного твоего?

В том же нашумевшем рассказе «Такой ветер» тихо звучат задушевные, запредельно простецкие и до потрясения верные слова: «Домик принадлежал одинокой старушке, растерявшей в войну и мужа, и сыновей. Любить старушке было некого, и она любила своего квартиранта». Получается, что по законам и, наверное, требованиям того советского (кровавого? жуткого?) времени любить кого-то и чего-то требовалось обязательно, даже неукоснительно. Да, так прямо и диктовали советские заповеди, так устанавливалась не только диктатура трудящихся, но и диктатура любви, братства и счастья. Очень хорошо, что автор, благодаря своему душевному чутью, такую черту (а не советского черта) заметил и отразил ее в своих произведениях. Такое может сделать только высокоталантливый писатель. Да и книгу «Земля, которая помнит всё» я особенно почитаю за то, что читая ее, свободно перемещаюсь в прекрасные года своего детства и молодости, которые так любовно и очень правдиво описал замечательный прозаик Николай Коняев. И не надо ему как верующему отрекаться и от Земли, и от Любви земной, и от Меньшикова, который это качество коняевского творчества, очень редкое в

наше время в очередной раз обозначил и придал ему добавочный импульс для широкого распространения.

А если бы наш прозаик рассмотрел дилемму, соотношение «Филя и любовь»? Скорее всего, любовь провинциального диковатого Фили к женщине оказалась бы непутевой, неуклюжей, смешной. Филя бы, наверное, предстал даже как не поддающийся исследованию «нофелет» из кинокомедии «Где находится н...?». А если вы под определенным углом посмотрите на Эйфелеву башню, то и в ней «увидите» русского Филю со всей его неприязнью к парижскому (не обязательно дамскому) гламуру и прямо-таки деревенской оторопью перед так называемой «французской любовью». Да если бы ему, сельскому бобылю и брюзге, какая-нибудь красивая девка исполнила хотя бы куплет из хита «Я буду любить тебя по-французски», он бы, пожалуй, сразу рухнул в глубокий женский обморок. А, может быть, девку довел до обморока. Как говорится, неисповедимы пути аспидны...

Ладно, не станем как законченные знатоки впадать в капиталистическую вседозволенность, тем более что при той поре стоял социализм на дворе, и лейтмотивом многих тогдашних песен продолжались оставаться простецкие слова: «Но разве можно без любви прожить?».

Бога тогда «не было», и вся любовь — ура! — адресовалась Родине, вождям, партии, простому человеку. Не случайно в одном из коняевских рассказов звучит плакатно-пафосное, но правильное признание: «А хорошо все-таки быть человеком!». Стоит отметить, что тогда же, даже раньше, появилось произведение братьев Стругацких «Трудно быть богом». Да, в те годы не просто трудно, а опасно было начинать религиозную деятельность, но как мне кажется, именно тогда Коняев и начал вести свою православную линию в многотрудном, многолетнем просветительском богу — человеколюбивом творчестве.

Причем его любовь распространяется и на животных: коров, собак, кошек (рассказы «Живуля», «Дом над болотом и др.). Такое чувство может быть не только трогательным, но и политизированным, немного смешным. В одном из произведений рассказывается о бабке, которая так любила, так жалела одомашненного крокодила, к тому же привезенного чуть ли не из колониальной африканской страны, что при сложившихся обстоятельствах забрала его с собой в деревню со словами «пусть ловит мышей». Вообще же о животных, которые могут в любой момент взбрыкнуться, хапнуть-цапнуть, повести себя неадекватно, Коняев пишет даже больше, чем «про Филь». Никакой он не «филист», а где-то даже «некрофилист», некрофил (и это вовсе не обвинение), поскольку по ходу книги нередко умирают как люди, так и животные.

Вот на таком контрасте «умирать и любить», вернее, следуя событийной, совершенно вроде бы непримечательной схеме «жить, любить, умирать» и написана вся эта книга. И даже я, родившийся в 50-х годах, спустя восемь лет после войны насмотрелся в достатке в своем поселковом детстве и любви, и смертей, но любви, конечно, неизмеримо больше, поскольку тогда было вроде бы совершенно мирное время. Какой я помню любовь? Да всякой! Почему-то сразу вспомнились снежные трамплины на берегу Виледи, выполненные в виде буквы «Л», при прыжках с которых перехватывало дыхание и от восторга замирало сердце.

Именно такое чувство полета у меня возникало позднее, в пору первой юношеской любви.

Помню, как во время весеннего молевого сплава в реку с высоких «бунтов» или гуртов с грохотом скатывали громадные еловые или сосновые бревна. Бают, что заключались пари, и даже проводились неофициальные соревнования, что если после сбрасывания в воду из бревен составлялось слово «любовь» и в таком виде плыло вниз по реке, то сплавщик, сумевший виртуозно выполнить такой таежный «пассаж» получал ведро северного жгучего спирта с котласского целлюлозно-бумажного комбината. Конечно, исполнить такое было нереально, но крепкие мужики стремились к этому.

Бревна по поверхности воды расплывались в разные стороны, да и само определение любви с годами становилось каким-то расплывчатым.

Имеется понятие «сплав леса», а так же «сплав металлов». И уже давно, хотя изменения особенно почувствовались в перестроечные годы, наблюдается, что любви в чистом виде почти не существует. Она теперь с примесями, которыми являются и религиозность, и политические составляющие, и всякие там срам-ориентации. И чтобы из того или иного сплавов выделить чистую любовь, требуется при использовании тавтологии расплавить эти сплавы хорошей или дурной славы. При этом частенько звучит заполошный возглас «Вся сила в плавках!».

Если при сплаве леса слово «любовь» можно было составить из плавающих бревен только при помощи багров опытных сплавщиков, то в чистых небесах реактивные самолеты это слово выписывали своими дымами на раз. Да еще цветочки-ромашки в синем небе вырисовывали. А не лучше ли было бы, если они там рисовали цветущие картофельные поля, небесные плантации огурцов да помидоров, которые при близости к солнцу успевали бы покраснеть уже к пролетарскому празднику 1Мая? А? Какая бы выросла полезная небесная пища для северных мальцов, а то и у меня и у братьев к тридцати годам почти все зубы выпали. Правда, и с искусственными мы крутили любовь далеко не платоническую и не умственную.

Помню еще из юности розовые пластмассовые очки, сделанные спереди в виде слова «Любовь», где в кружки букв «ю» и «о» вставлялись пластмассовые прозрачные стекла. Долго смотрели на жизнь через розовые или светлокрасные коммунистические очки, пока нас носами и очками тоже не ткнула железная перестроечная рука Запада во всякие там параша и корыта, в которых стояли совершенно правдоподобные макеты сталинских лагерей, режимных заводов и учреждений... Запахло политическими трупами некогда любимых руководителей государства и деятелей искусства и литературы.

Нет, говорить о писателе Коняеве как о «некрофиле», как о «певце смерти» совершенно не хочется. Повторяю, что особенно в наше равнодушное, даже «мертвое» время, когда почти все прозаики демонстрируют свое неумение показать живого, а тем более влюбленного человека, когда полноценность и полнокровность большинства писателей поставлена под сомнение, — Коняев нам интересен (в противовес трупам) как рупор жизне- и духоподъемных призывов в беспокойном, бушующем и по-настоящему страшном море жизни.

Его Проект — это план гидростроителя: унять, «погасить» штормовую волну и, показывая читателям реальность, обозначить перед нами так же море наземной любви, спокойное и раскрашенное небесным светом. Вода присутствует в предложенных для чтения произведениях в обильном количестве: это озера, реки — и они судоходные, пароходно-теплоходные. Голосят гудки, и суда под капитанством Писателя берут курс на Любовь, а уж там, как получится, как бог распорядится.

С таким капитаном как Коняев (он с Онеги), духовником, наставником спокойно, поскольку он умелый, и ответственный человек. И герои писателя не какие-то ворчливые, отвязные, безразличные ко всему Фили, а, наоборот, они в своем большинстве душевные, отзывчивые, волнующиеся из-за каждой мелочи люди, которые все время о ком-либо или о чем-либо хлопчут, переживают. И они несомненно заслуживают к себе уважения и Любви, как земной, так и небесной, о чем и повествует большой русский писатель Николай Коняев.

Автор: Владимир Меньшиков.